

*ФИЛОСОФИЯ, ЭКОНОМИКА,
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ*

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Владимир Кириллович БАТУРИН,
академик Российской академии естественных наук

Известно, что в центре внимания философии науки находятся общие закономерности и тенденции научного познания как специфической деятельности по производству знаний, взятой в своём развитии на фоне изменяющегося социокультурного контекста. Ещё Гегель отмечал, что «метод обретения знания непременно предполагает познание пути его достижения, и подлинное знание не может стать таковым без осознания процесса его достижения: путь к науке сам уже есть наука» (12, т. 4, с. 50).

Формой целостного решения проблем философии науки выступают исследовательские программы развития науки — совокупность теоретических принципов и положений, направленных на объяснение основных закономерностей процесса развития научного знания в его историческом, логическом и теоретико-методологическом аспектах, способных предсказывать ранее неизвестные научные факты и явления, предвосхищать появление новых теоретических представлений и их систем, быть способными решать системно — обоснованным образом весь спектр проблем философии науки. Среди основных глобальных исследовательских программ развития научного познания — позитивистская, конвенциональная, аналитическая, критического и посткритического рационализма, феноменологическая (3—5, 8, 10, 15, 17, 18—20, 25, 28, 29, 31, 33, 37, 38).

Позитивистская исследовательская программа развития науки (О. Конт, Г. Спенсер, Дж. С. Милль, Э. Мах). Новая философия (позитивизм) противопоставляется метафизике, философия рассматривается как строгая система, обобщающая результаты различных наук и только в этом позитивном значении имеющая право на существование. Общими направлениями научного познания объявляются эмпиризм и индуктивизм, единым для которых является вера в единообразие природы. Осуществляется введение некоторого психологизма в познавательные процессы. Утверждается строгий детерминизм, возможность примирения науки и религии; подчеркивается антикаузализм, антиметафизичность как основа всех идей позитивизма.

Конвенциональная исследовательская программа развития науки (А. Пуанкаре, П. Дюгем). Утверждение соглашений (конвенций) между учеными в качестве основы научных теорий, которые обусловлены соображениями удобства и простоты и не связаны непосредственно с критериями

истинности. Понятие объективности сводится к общезначимости, из которой выводится требование интер — субъективности соглашений (конвенций). Методологическая направленность конвенционализма усматривается прежде всего в антропологизме. Утверждается, что конвенциональные элементы неустранимы из корпуса науки. Развитие науки истолковывается как дискретный процесс, а научное сообщество как совокупность различных группировок, не вникающих в доводы оппонентов. Обосновывается, что процесс познания есть процесс прогрессивной адаптации к среде, а всякое познание есть психологическое переживание, биологически полезное для человека. Утверждается принцип экономии мышления. В качестве критерия научности теории выдвигается принцип её фальсифицируемости, опровержимости. В противоположность индуктивизму выдвигается гипотетико-дедуктивная программа научного исследования. Обосновывается принцип фаллибилизма. Рост научного знания рассматривается как частный случай общего мирового эволюционного процесса. Отвергается кумулятивистский принцип линейности науки, утверждается, что критицизм в общем смысле являет собой умение рефлексировать в режиме отрицательной обратной связи, оборачиваясь на исходные предпосылки.

Аналитическая исследовательская программа развития науки (М. Шлик, Р. Карнап, О. Нейрат, К. Гемпель, К. Гёдель, С. Клини, Э. Нагель, П. Супес). Отказ от анализа содержательных основоположений науки, стремление к унификации при помощи символической логики с опорой на язык физики к очищению от «псевдонаучных утверждений» и двусмысленности обыденного языка; переход к нормативному (на базе языка физики) пониманию развития научного знания. Законы науки интерпретируются не как законы природы, а как законы языка. Обосновывается модель роста научного знания, в основу которой кладутся так называемые протокольные предложения; научная деятельность сводится к установлению новых протокольных предложений и изобретениям способов их объединения и обобщения. Утверждается, что любое непротиворечивое суждение может быть выбрано в качестве исходного, протокольного по соглашению с другими учеными и подобный выбор есть личное дело ученых (объединение конвенционализма и логического позитивизма). Показано, что теоретические термины не могут быть сведены к терминам наблюдения и никакая их комбинация не может исчерпать возможностей теоретических положений. Предложена теория дедуктивно-номологического объяснения. Утверждается структурное равенство объяснения и предсказания. Сформулирована теорема о неполноте достаточно богатых непротиворечивых формальных систем. Показана принципиальная невозможность полной формализации научного знания. Обосновывается трехчленная формула «объект — язык — речевая деятельность — субъект — язык». Утверждается, что язык является необходимым посредником научного познания; став многовековой исторической реальностью, он образует вместелище традиций, привычек, памяти народа; выражая свои мысли словами, над которыми люди не властны, используя словесные формы, изменения которых господствуют над ними, люди полагают, что речь повинуется им в то время как они сами подчиняются требованиям языка.

Критический рационализм как исследовательская программа развития науки (К. Поппер). Утверждается, что рационализм выступает как характеристика научного знания и как способ поведения ученых в исследовательском процессе. Подвергается критике аналитическая программа ис-

следования науки. В качестве центральной проблемы исследовательской программы выдвигается проблема роста научного знания.

Посткритический рационализм как исследовательская программа развития науки (Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд, М. Фуко, М. Полани, Дж. Холтон, С. Тулмин, Г. Фоллмер, Ч. Куайн, А. Осборн, Г.Я. Буш). Предпринята попытка преодолеть ложный идеал деперсонифицированного научного знания, ошибочно отождествляемого с объективностью. Вводится личностное знание как интеллектуальная самоотдача, страстный вклад познающего. Обосновывается, что в развитии научного знания формы будущих состояний возникают как побочные продукты взаимодействий, происходящих за рамками самого явления или на его периферии. Познавательный аппарат человека интерпретируется как механизм адаптации, развитый в процессе биологической эволюции. Предложена теория генетической эпистемологии. Констатируется гипотетический характер знания, его индетерминистические элементы, непредсказуемость, открытость будущему, подчеркивается особая роль креативности. Научное сообщество представляет собой не единую структуру, а «гранулированную среду» консолидированных научных групп, коллективно создающих новый элемент знания и утверждающих его в борьбе и в компромиссах с другими аналогичными группами («гранулами»). Показывается, что развитие науки представляет собой чередование периода господства принятой парадигмы (этапа «нормальной науки») и периода распада парадигмы (этапа «научной революции») с последующим выходом развития науки на новый этап нормальной науки и т.д.; научные революции — это не только смена парадигм, но и замещение элементов дисциплинарной матрицы, исследовательской техники, методов и теоретических допущений, трансформация всего набора эпистемологических ценностей, научной картины мира, теории и метода. Доказывается, что эмпирически-нейтральный язык наблюдения невозможен; ученые данной эпохи видят мир сквозь призму господствующей парадигмы, и не факты определяют теорию, а теория выбирает те или иные факты, которые могут войти в её осмысленный опыт. Обосновывается идея конкуренции научно-исследовательских программ. Структура исследовательских программ включает в себя жесткое ядро, фундаментальные допущения, «правила положительной и отрицательной эвристики». Выдвигается принцип пролиферации (размножения) теорий. Активно разрабатывается тезис об онтологической относительности. Утверждается, что разработка безотказно работающих правил творчества (эвристики как раздела методологии) принципиально неосуществима.

Крайне важные результаты получены в исследованиях отечественных ученых. Таковы исследования В.С. Степина [33—34], П.П. Гайденко [8—10], В.А. Лекторского [20—22], В.В. Ильина [13—15], В.Т. Алексеева [2], И.В. Кузнецова [19], О.П. Бранского [7], А.А. Ракитова [32], М.С. Бургина, В.И. Кузнецова [7], Е.А. Мамчура [24, 25], И.А. Акчурина [1], Т.Г. Лешкевич [23], В.С. Швырева [36] и др.

Показано, что философия обладает определенной избыточностью по отношению к запросам науки каждой конкретной эпохи; поэтому философские основания науки не тождественны общему массиву философских знаний. В истории естествознания вычленяются три типа устойчивых структур философских оснований науки — классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональность. Обосновывается социокультурная обусловленность научного знания. Качественно изменено понимание субъекта и объекта познания: подлинным субъектом

выступает не изолированный индивид, а в его лице целое общество; подлинным объектом познания выступает такая физическая реальность, которая является продуктом исторического развития человеческой практики. Наука характеризуется как функционирующая система, состоящая из проблемы (П), теории (Т), метода (М), факторов науки (Ф), предполагающая развитие прежде всего научной теории. Развитие научного знания анализируется как процесс самоорганизации, обладающий существенно нелинейным характером. Среди исторически развивающихся систем научного знания выделяются природные комплексы, в которые в качестве необходимого компонента включен сам человек; «человекообразные» комплексы (медикобиологические, экологические, биотехнологические объекты, системы человек — машина и т.д.) позволяют непосредственно учесть и исследовать гуманистические ценности, аксиологические факторы, этические проблемы. В тело постнеклассической науки органично вводится этический компонент, и революция такого перехода связана с выходом за рамки науки, с созданием новой формы общественного сознания — постнауки. Показана взаимосвязь исторических типов рациональности и субъект-объектных отношений. Обосновывается необходимость вернуть природе понятия цели и смысла, поднять рациональность до уровня Разума. Выдвигается идея о том, что научное открытие, рост научного знания являются побочным продуктом (поризмом) рутинной деятельности ученого. Вскрывается тесная связь познавательного и ценностного компонентов с деятельностью человека, единство методологических и мировоззренческих функций диалектики. Утверждается положение об этической природе процедур аргументации и доказательства. Исследуется существо гносеологических исканий, ориентированных в три основных программы: эмпиризм (индуктивизм, фактуализм); рационализм (дедуктивизм, аксиоматизм); интуитивизм (априоризм, упование на озарение). Показано, что для этапа развития классической теории познания характерны: критицизм, фундаментализм и нормативизм, субъектоцентризм, наукоцентризм, а для неклассического этапа (для современной теории познания) отмеченные выше познавательные традиции заменяются на противоположные: посткритицизм; отказ от фундаментализма; отказ от субъектоцентризма; отказ от наукоцентризма. Доказано, что познание фундаментально предметно — вещным типом человеческой деятельности и будучи совокупностью интенциональных актов, всегда целеориентированно и избирательно. Выделение и различение объектов познания поддерживается полем преференциальных дорефлексивных структур, составляющих почву мыследеятельности в теории и практике. Знание есть симбиоз формализма и интерпретации, причем не в последнюю очередь научное творчество есть словотворчество.

Феноменологическая исследовательская программа (Э. Гуссерль). Отчетливое понимание недостаточности познавательных моделей для постижения сути вещей, призыв к возврату к нечеловеческим, первоначальным (естественным) предметностям. Требование неучета познавательных установок в созерцании (требование приема эпох). Феноменологическое понимание предметности, являющееся в психическом. Представление о сознании как о потоке переживаний, каждое из которых интенционально, наделено «имманентной временностью» — единством актуальных переживаний, воспоминаний, воображений, где сложным образом перемешано прошлое, настоящее, будущее. Вводится понятие феноменологической редукции — выделение инвариантного в вариациях феноменологических переживаний на фоне имманентной временности.

Таково краткое содержание основных глобальных исследовательских программ развития научного познания (более полно — работы [9—11], [25], [3—6]). Перейдем к теоретико-философскому анализу с целью дальнейшего их развития и конкретизации.

Прежде всего следует отметить, что имеющиеся глобальные исследовательские программы, на наш взгляд, не дают целостной аналитической картины, панорамного представления феномена науки, особенностей её развития и функционирования; для них характерен так называемый «внешний» методологизм, когда рациональные рекомендации этих программ, их реальный вклад в научные исследования ограничиваются описанием, более того — оправдательной констатацией сложившейся в науке ситуации и защитой существующих научных методов, в то время как их рабочая, конструктивно-созидательная по отношению к научному познанию задача, производящая (генерирующая) новые научные знания, практически не решается. Имеющиеся глобальные исследовательские программы реально не направляют исследовательский процесс, не канализируют научный поиск, не ведут ученого от одного этапа познания к другому. Практика проведения научных исследований и на сегодняшний день — это чаще всего работа «вслепую», без осознанного использования учёным методологических требований и норм научного познания, без опоры на учет и целенаправленное использование внутренних закономерностей развития самой науки, без опоры на принципы внутреннего методологизма. Как показано в нашем исследовании, среди глубинных причин, порождающих внешний методологизм имеющихся глобальных программ развития науки, следует прежде всего отметить ограничительные горизонты сугубо рационалистического её моделирования, утрату философией науки многих связей и отношений, в том числе, как это не парадоксально звучит, с самой философией, недостаточность исследовательских средств и инструментов прежде всего принципиально необходимого, на наш взгляд, потенциала деятельностного и феноменологического подходов в их единстве и взаимосвязи.

Основной негативной чертой имеющихся глобальных исследовательских программ является их отрыв от философии (в частности, от теории познания). Это явление берет свое начало в позитивизме О. Конта, провозгласившего освобождение философии науки от метафизики со всей её проблематикой, методами и понятиями. Намеренный уход от поиска глубинных метафизических оснований науки, всевозможные спекуляции без опоры на устойчивую философскую и историческую традицию приводят к предвзятому отрицанию важных сторон научного познания, искажают целостную картину развития науки, связи новации и традиции в процессе научного познания, «метафизических» субъект-объектных отношений, соотношения сущности и ценности, взаимосвязи деятельности, познания, управления, мифологии и науки.

Следует отметить и ещё одно принципиально важное ограничение сложившегося положения дел — господствующая до сих пор познавательная традиция наукоцентризма в философии науки не позволяет преодолеть диахронический подход к связи мифологии и науки. В этом состоит принципиальный барьер на пути решения многих проблем философии науки, прежде всего проблемы производства (генерации) нового научного знания. Между тем за пределами философии науки уже достаточно продолжительно и исследовательски эффективно развивается иная

синхроническая модель взаимосвязи мифологии и науки (отметим, что здесь особенно значим вклад отечественных философов).

Незавершенность, недостаточность, неполнота характерны и для имеющихся методологических подходов к исследованию процесса развития научного познания. Как известно, в настоящее время имеются три основных подобных подхода — кумулятивный, антикумулятивный и «кейс-стадис» (ситуационные исследования) [25, 26, 28, 29, 37]. Кумулятивный подход основан на таком представлении о научном познании, когда оно выступает в качестве поступательного движения, процесса постепенного пополнения знаний, приближающегося к идеалу абсолютной истины. Утверждается, что каждый последующий шаг науки делается в опоре на предыдущие достижения. Однако данная модель имеет и уязвимый момент: ведь несостоятельность хотя бы одного элемента научного знания в силу системности последнего неизбежно должна была повлечь за собой разрушение всей его конструкции и, таким образом, поставить под сомнение саму идею научного прогресса. Но что же представляет собой процесс развития научного знания, как не исправление прежних ошибок, избавление от иллюзий и заблуждений, доставшихся в наследство от предыдущих поколений учёных?

Вторая, антикумулятивная, модель развития науки, пытаясь преодолеть отмеченный выше недостаток, предлагает рассматривать развитие науки как революционную смену норм, канонов, стандартов, полную смену систем знаний, как прерывный процесс. В рамках данной модели вводится принцип несоизмеримости теорий (принцип научных революций) и таким образом преодолевается недостаток кумулятивизма. Но описание научного развития сводится теперь только к противопоставлению т.н. нормальной науки (когда идет постепенное накопление знаний в рамках существующей парадигмы) и научных революций (периодов коренной ломки господствующих парадигм, замены их на новые). Надо отметить, что при всей своей новизне и эффективности антикумулятивный подход к развитию науки тем не менее неразрывно связан с предыдущей кумулятивной моделью, поскольку и здесь развитие науки видится поступательным, а его непрерывность нарушается только в периоды научных революций. Антикумулятивная модель оказывается всего лишь неким фрагментом, отличным от кумулятивной модели как целого в той её части, которая относится к научным революциям.

Третий методологический подход к исследованию развития науки — использование ситуационных исследований («кейс-стадис»), т.е. сочетания всевозможных научных подходов с целью обрисовать, реконструировать одно событие из истории науки в его целостности, уникальности, невоспроизводимости. Новое научное знание, открытие берется не изолированно, а рассматривается в контексте имеющихся научных гипотез, теорий, социокультурных, исторических, психологических обстоятельств, при которых данный новый научный результат был получен. Следует отметить, что относительно полное рассмотрение развития научного знания осуществляется при использовании этого подхода только в локальных узлах и такое точечное моделирование не дает общей процессуальной картины описания. В числе прочих возражений против этого подхода можно указать и на то, что здесь с помощью общих и универсальных понятий стараются описать индивидуальное и уникальное, что «кейс-стадис» — больше историческое, чем содержательно-научное исследование (к тому же в нем смешиваются предшествующие, настоящие

и последующие события и отделить одно от другого представляется весьма затруднительным).

В основании нашей работы лежит замысел интеграции того существенного, что имеется не только в философии науки, но и в философии вообще, а также в частных науках (прежде всего в синергетике, психологии, методологии естественных наук) с целью построения новой глобальной исследовательской программы развития науки, опирающейся на достижения отечественных и зарубежных учёных и способной стать именно руководством к действию, программой, работающей на принципах внутреннего методологизма. В соответствии с этим замыслом мы предпринимаем попытку по-новому сформулировать и решить проблемы соотношения интернализма и экстернализма в исследовании научного знания, диалектически переосмыслить критицизм, субъектоцентризм, наукоцентризм, фундаментализм и нормативизм классической науки. Логика данного исследования привела нас к необходимости разработки новых аспектов целостных отношений между наукой и мифологией в когнитивном, нормативном, праксеологическом аспектах, к необходимости исследования закономерностей строения и развития различных теоретико-методологических систем в научном познании, взаимосвязи логико-лингвистического, модельно-репрезентативного, прагматико-процедурного и проблемно-эвристического элементов в процессе научного познания, к анализу полиморфизма и «человекоразмерности» научного знания, включающего в себя ценностные (аксиологические), гуманистические, этические аспекты.

Общим результатом предпринятого в данном исследовании анализа содержания имеющихся глобальных исследовательских программ развития научного познания является вывод о необходимости разработки новой подобной программы, более полно и целостно учитывающей основные закономерности производства и развития научного знания, программы, с помощью которой можно было бы реально управлять процессом научного познания для достижения определенных исследовательских целей и задач. Такая программа разработана нами [3, 5], она сочетает в себе как уже имеющиеся результаты и достижения отечественных и зарубежных ученых, так и те новые методологические и теоретические положения и выводы, которые получены нами самими в исследовании процесса познания (в познании познания).

В качестве новой, конкретно-действенной, практически-конструктивной глобальной исследовательской программы развития (производства) научного знания понимается совокупность практических и мыслительных приемов, следование которым позволит осуществить предварительную подготовку предмета исследования к особым теоретико-методологическим процедурам с целью его всестороннего познания; управлять, организовывать, целесообразно преобразовывать предмет исследования в целях получения (производства) нового знания; анализировать, целесообразно преобразовывать полученные исследовательские результаты; осуществлять теоретическую и методологическую проверку полученного знания на достоверность и включенность в систему ранее имевшегося знания; осуществлять научно-исследовательские, перспективно-прогнозные функции; блокировать изначально тупиковые направления научных исследований и т.д.

Данная глобальная исследовательская программа — совокупность приемов, подходов, установок, имеющих целеориентирующий характер, характер управленческой директивы, синергетических «рулей», с помощью

которых процесс развития научного знания может быть эффективно осуществляемым и в значительной степени управляемым процессом.

Прежде всего в нашем исследовании произведен анализ взаимосвязи науки и мифологии, и оказалось, что процесс развития научного знания невозможно теоретически и методологически реконструировать без глубокого анализа особенностей мыследеятельности первобытных людей, древнего (архаичного) интеллекта. При анализе имеющихся глобальных программ исследования научного знания вскрыто, что в них игнорировалось не только философско-метафизическое, но и тем более архаико-мифологическое содержание; подобное игнорирование, бегство от мифологического (также как и бегство от метафизического) не позволило разработчикам глобальных программ обрести те ресурсы, те возможности, которые необходимы для разработки такой исследовательской программы, которая смогла бы стать практически значимым конструктивным руководством, внутренним методом для осуществления научных исследований.

Известно, что в структуре мифа представлены три основных компонента: когнитивный, нормативно-императивный и активистски-манипуляторский [30]. Именно поэтому миф дает относительно целостную панораму взаимоотношений человека с окружающей его действительностью в единстве миропонимания (этиология мира, происхождение сущего, первопричины, явленности вещиности, людей, богов и т.д.), жизнедеятельности (инструкции, ценности, установки, идеалы, директивы, регулятивы), миродействия (обмен деятельностью, социальное взаимодействие, линии поведения, самоутверждение, ритуально-мистические, культовые акты, фесмофории, жертвоприношения как элементы влияния на среду обитания, обряды, магические техники, имитации, заклинания). Главным свойством мифологического сознания является его синкретичность, а источником, соединяющим предметы и явления в целостную, единую систему, является вовсе не опыт или рассудок, а фантазия и образное мышление: в силу этого мировосприятие архаичного человека очень динамично, в его представлениях все может быть во всем, все ещё не застыло, не остановилось в каких-либо определенных смыслах и значениях.

Выявлено, что при переходе от мифа к логосу происходит: отказ от «оборотнической» логики мифа, от метаморфоз объектов в другие объекты; замена духовно-личностного отношения к действительности объектно-субстанциальным; разрушение мифологического тождества человека и действительности и становление «объектной идеологии» — представления о действительности не как о духовной, а о вещной, самодостаточной для её внесубъектного существования; возникновение разветвленных теогонических систем, которые в отличие от мифологических систем не непосредственно чувственны (эстематичны), а опосредованно дискурсивны (ноэматичны); формирование естественного истолкования и постепенное разрушение основы для схем «причина — значение» и замена её на причинно-следственную типологизацию явлений. При этом происходит разрушение целостного мифологического отношения к миру и замена его научным — обособившейся от неё только когнитивной составляющей, частью, возомнившей себя целым.

Диалектическое единство мифологического и научного — ключ, на наш взгляд, к решению центральной проблемы философии науки — проблемы роста (производства) нового научного знания. Нами предложено

свое решение — деятельностно-феноменологическое, суть которого в самом сжатом виде представляется в следующем.

Известно, что любое научное исследование всегда начинается с постановки проблемы, с момента обнаружения несоответствия между имеющимся потенциалом знаний и желаемым для решения актуальных задач человеческой деятельности — с управленческой директивы поиска того, что нужно для решения данной проблемы. Поэтому поставленная проблема о необходимости иметь данное новое знание как бы «вырезает» тот сектор взаимодействующей с человеком реальности, который подготавливается для второго акта — акта интенции на предмет исследования того, что в современной психологии и философии называется припоминаемым. С выделенным с помощью управленческой директивы фрагментом действительности в качестве предмета данного исследования вступает во взаимодействие сознание, причем та его часть, которая также «подготовлена», «вырезана», отобрана этой управленческой директивой: эта часть сознания и есть припоминаемое, которое теперь интенциональным потоком направляется на исследуемое. Предмет исследования, выделенный с помощью директивы, взаимодействуя с частью сознания, выделенной также с её помощью, посредством процесса экстраполяции «одевает» исследуемый объект в «одежды» припоминаемого, формирует некую модель данного фрагмента реальности. У Гуссерля это описывается как феноменологическая редукция, которая состоит в работе с переживаниями (воспоминаниями, фантазиями, ожиданиями и т.д.); когда же субъектом усматриваются разыскиваемые смыслы, то феноменологическая редукция достигает своей высшей стадии, которую Гуссерль называет эйдетической редукцией [13].

Совокупность всех подобных познавательных моделей, полученных в предыдущих актах, образует новую целостность с определением в ней центральной (ядерной) части и её периферии, с определением взаимосвязи и взаимоподчиненности всех этих моделей. В описанных актах процесса роста нового научного знания ещё нет самого научного открытия; оно может состояться только тогда, когда возникает ситуация недостаточности «одежд» припоминаемого и для овладения ситуацией необходимо привлечь некое новое знание. Новое знание не может содержаться в припоминаемом, следовательно, его нет и в интенциональном потоке (иначе каждый интенциональный акт каждого акта сознания был бы носителем непрерывных научных открытий). Интенциональный поток сознания на данный исследуемый предмет не содержит искомого нового знания. Оно в том, что ранее в сознании уже было, но не применялось, не распространялось, не переносилось, не экстраполировалось, не использовалось в данном применении, не рассматривалось по отношению к данному предмету исследования: именно поэтому научное открытие всегда некая неожиданность, некий отказ от привычного, нетрадиционного, некое невероятное.

Познание как управление познавательными ресурсами становится эффективным на этапе осуществления движения (экстраполяции) наличного массива старого знания к новому элементу только после появления (проявления) этого знания; познание как управление ресурсами не в состоянии привести этот массив к новому знанию без предварительного появления познавательной директивы из других источников; иначе говоря, только имеющиеся научные знания для своего развития несамодостаточны, неполны. Для постижения принципиально нового знания в качестве средств его добывания можно использовать всё что

угодно, но только не наличный массив знаний и не научные методы (как это не парадоксально звучит). На этапе творческого постижения нового знания не место рассудку, который может действовать только в соответствии с уже известным, в соответствии с познавательными традициями; этот этап исключительно для разума, для фантазии, для движения «по бездорожью», в отсутствии всяких ограничений и правил, для работы мысли без прошлого и будущего; на этом творческом этапе выключаются все «льзя» и «нельзя», здесь старых правил уже, а новых ещё нет, здесь нет никаких предпочтений и предпочтений, здесь полное отключение памяти, «выключенное прошлое», все может стать всем, все во всем, все одновременно неразлично и неотделимо, все как некий целостный познавательный-управленческий, целостно-деятельностный хаос, динамический хаос... Внутри рассудка — рациональность, наука, внутри разума — мифотворчество. В этой связи следует отметить, что диахронное отношение между мифом и наукой совершенно неправомерно; более правильно — синхрония, сосуществование мифологического и научного мышления как двух уровней идеального отражения реальности. Путь к творческому постижению закономерностей роста научного знания — путь не вперед, а назад, к мифомышлению.

Оставаясь в пределах только традиционной науки, акт производства принципиально нового научного знания теоретически реконструировать невозможно, поскольку сама наука — лишь часть, лишь фрагмент, ограниченный когнитивный фрагмент некоей «старшей», более полной и целостной системы — мифологии. Наука, отделяясь от мифологии путем жесткой фиксации значений и смыслов познаваемых объектов и явлений, утратила мифологическую творческую свободу любому объекту быть всем, превращаться во все, соответствовать всему, быть связанной и взаимодействовать со всем, утратила мифологическую способность быть наполненной бесконечно разными значениями и смыслами любого явления и объекта. Наука жестко фрагментировала и зафиксировала окружающий мир на обособленные явления и объекты; уже сама эта научная фрагментация мира его серьезно деформирует, делает его человекообразной моделью мира. Модель реальности задается наукой, и наукой может быть описано только модельно-фрагментарное, ограниченное, проявленное, исторически выделенное. Другого в науке нет; другое — не в модельной части, а в том самом Целом, в том самом незафиксированном, не в исторически выделенном, не во фрагментарном, а в настоящем, живом, естественном, где еще не состоялась жесткая процедура надления реальности человекообразным набором значений и смыслов, где сохраняется, непрерывно изменяясь, Целое — нерасчлененное и недеформированное. Именно там, в синергетической интерпретации понятия «хаос» — новое знание, которое мы назвали творимым, в старшей мифологической по своей природе и сущности системе, в мифологическом отношении к действительности. Выходит, Хаос — это и есть то самое Целое, что ещё не человекообразно; именно в этом Целом, ещё не проявленном — новое творимое знание. Оно производится при обеспечении единства управленчески-познавательной директивы, возникающей на основе имеющегося массива знаний и нового научного содержания, добываемого исследовательскими инструментами мифологического мышления — фантазией, образностью, синкретизмом, нечувствительностью к противоречиям, телеологичностью, возможностями эвристической и оборотнической логики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурина И.А. Телеономичность больших динамических систем — характерная черта постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки. М., 1992.
2. Алексеев Б.Т. Понятие традиции в герменевтике и философии науки // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1996. Вып. 2. (№ 13).
3. Батурина В.К. Деятельностно-феноменологическая программа развития науки. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004.
4. Батурина В.К. Неклассическая теоретико-познавательная, целостно-деятельностная глобальная исследовательская программа развития науки // Познавательная традиция как инвариант развития науки, философии, философии науки. Т. 1. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. акад. эконом. и управл., 2004. 148 с.
5. Батурина В.К. Общая физика и мировоззрение. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985.
6. Бранский В.П. Проблема выбора в фундаментальном теоретическом исследовании и принцип отражения // Роль философии в научном исследовании. М., 1990.
7. Бургин М.С., Кузнецов В.И. Введение в современную точную методологию науки. М., 1994.
8. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум // Проблемы методологии постнеклассической науки. М., 1992.
9. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М., 1980.
10. Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. М., 1991.
11. Гегель Г.В. Ф. Соч. в 14 т. М.; Л., 1929—1959.
12. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
13. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1994.
14. Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994.
15. Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки. М., 1985.
Исторические типы рациональности под ред. В.А. Лекторского. М., 1995. Т. 1.
16. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки: Итоги XX столетия. М., 2000.
17. Касавин И.Т. Проблемы неклассической теории познания: Миграция. Креативность. Текст. СПб., 1998.
18. Косарева Л.М. Предмет науки. М., 1977.
19. Кузнецов И.В. Избранные труды по методологии физики. М., 1975.
20. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980.
21. Лекторский В.А. Теория познания (гносеология, эпистемология) // Вопр. философии. 1999. № 8.
22. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
23. Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001.
24. Мамчур Г.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: Предварительные итоги. М., 1997.
25. Мамчур Е.А. Процессы самоорганизации в развитии научного знания // Филос. науки. 1989. № 7.
26. Маркова Л.А. Наука: История и историография XIX—XX вв. М., 1987.
27. Микешина Л.А. Философия познания. М., 2002.
28. Найдыш В.М. Философия мифологии: От античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики, 2002.
29. Никифоров А.Л. Философия науки: История и методология. М., 1998.
30. Ракитов А.И. Философские проблемы науки: Системный подход. М., 1997.
31. Рациональность на перепутье: В 2 кн. М., 1999.
32. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
33. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.
34. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Традиции и революции в истории науки. М.: Наука, 1991.
35. Философия науки. Вып. 1—6. М., 1995—2000.
36. Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

SUMMARY. The article by Academician of the Russian Academy of Natural Sciences V. Baturin “Philosophy of Science: Traditions and Innovations” represents the analysis of modern condition of Philosophy of Science, new phenomenon in this sphere.